

РОМАН ЗАВИЙСКИЙ

СВИДЕТЕЛЬСТВОВАТЬ О ПРЕМУДРОСТИ БОЖИЕЙ: ОТЕЦ СЕРГИЙ БУЛГАКОВ (1871–1944)

На Западе, после появления множества английских, французских и итальянских переводов его трудов, католические и протестантские исследователи все чаще называют о. Сергия Булгакова одним из наиболее плодотворных православных богословов XX в., сравнивая его с такими гигантами, как Ханс-Урс фон Бальтазар (1905–1988), Карл Барт (1886–1968), Карл Раннер (1904–1984), и Пауль Тиллих (1886–1965).

Однако многие критикуют Булгакова за его *софиологию*, некоторые элементы которой считают отчетливо гетеродоксальными или, по крайней мере, чуждыми патристической традиции. Джон Милбэнк, с другой стороны, утверждает, что софиология «представляется наиболее значительной теологией двух прошедших веков»¹.

Как ни странно, в западной литературе Булгаков до сих пор остается неоднозначной фигурой: некоторые считают его либералом², другие – «традиционалистом»³; но в русском контексте

¹ См.: John Milbank, 'Sophiology and Theurgy: the New Theological Horizon'. (http://www.theologyphilosophycentre.co.uk/papers/Milbank_SophiologyTheurgy.doc). См.: также John Milbank, *The Suspended Middle: Henri de Lubac and the Debate Concerning the Supernatural* (Grand Rapids, Michigan: Eerdmans, 2006).

² См.: Paul Vallière, «The Liberal Tradition in Russian Orthodox Theology», *The Legacy of St. Vladimir: Byzantium, Russia, America*, eds. J. Breck, J. Meyendorff and Eleana Silk (Crestwood, New York: St Vladimir's Seminary Press, 1990), 93–106. См.: также Paul Vallière, *Modern Russian*

оценки еще более поляризованы. Одни изображают Булгакова как величайшего русского богослова XX в. (Антуан Аржаковский, Борис Якин) или даже со времен Григория Паламы (Константин Андроников), тогда как другие почитают его если не прямо еретиком, то в любом случае не совсем православным мыслителем, находящимся под сильным влиянием западной философии вообще и особенно немецкого идеализма (митр. Сергей Страгородский, Владимир Лосский, Георгий Флоровский).

Почему же оценки колеблются в столь широком диапазоне – от православного мыслителя *par excellence* до ересиарха? Каковы причины этой дихотомии?

В отсутствие подходящего объяснения споры о его загадочной личности отталкивают многих потенциальных читателей Булгакова. Он отошел от христианства, каким оно воплотилось в этосе его священнической семьи, оставил семинарию и увлекся марксизмом, потом вновь вернулся в христианство, перейдя от марксизма к идеализму⁴, от политической деятельности в качестве депутата Второй Думы к пророческому служению на Всероссийском соборе 1917–18 гг. Его переход от социализма к идеализму, а затем к православию стал парадигмой⁵ многих судеб русских интеллектуалов серебряного века.

Theology: Bukharev, Soloviev, Bulgakov: Orthodox Theology in a New Key (Grand Rapids, Michigan: William B. Eerdmans Publishing, 2000).

³ См.: Rowan Williams, ed., trans. and introd., *Sergii Bulgakov: Towards a Russian Political Theology* (Edinburgh: T & T Clark, 1999), 15.

⁴ Идеализм в данном случае означал для Булгакова интерес к «последним вопросам» человеческого бытия, а также к широкому кругу метафизических проблем, от учения о Боге и сотериологии до нравственного богословия.

⁵ Близкие соратники Булгакова Николай Бердяев и Петр Струве, профессиональные философы, также оставили марксизм и позитивизм ради идеализма. Неоидеалистические течения в русской интеллигенции обсуждаются в книге: Catherine Evtuhov, *The Cross and the Sickle: Sergei Bulgakov and the Fate of Russian Religious Philosophy* (Ithaca/London: Cornell University Press, 1997). Впрочем, были и обратные случаи, когда люди, готовившиеся в семинариях к рукоположению, уходили в марксизм и уже более не возвращались к христианству – например, Сталин.

История обернулась против наследия Булгакова. Его богословские труды, начатые в России, были оборваны революцией, за которой последовало изгнание в Крым в 1922 г. Впоследствии, в эмиграции в Париже, его голос был опять заглушен обстоятельствами Второй мировой войны и последовавшим за нею перемещением главного центра православного богословия из Европы в Северную Америку. Однако на протяжении последних двух десятков лет интерес к Булгакову вновь пробуждается и в России, и на Западе.

Премудрость: связь между Богом и космосом

Софиология Булгакова строится вокруг объединяющей метафоры Софии, Премудрости Божьей, поясняющей отношения между Богом и космосом в человеке и в Богочеловеке. В одном из поздних текстов он пишет об этом так:

Центральной проблемой софиологии является вопрос об отношении Бога и мира, или – что по существу является тем же самым – Бога и человека. Другими словами, софиология является вопросом о силе и значении *Богочеловечества* и притом не только Богочеловека как воплотившегося Логоса, но именно Богочеловечества как единства Бога со всем сотворенным миром – в человеке и через человека⁶.

Прибегая к антиномии, Булгаков пытается соединить два полюса: творение⁷ – *иное по отношению к Богу*, но в то же время это *Иное Бога*. Надо, говорит Булгаков, «уметь одновременно их соединить, отождествить и различить, как это и возможно в учении в Софии, Божественной и тварной, тождественной и различной»⁸.

⁶ См.: Сергей Булгаков, «Центральная проблема софиологии» // Тихие думы (М., 1918), с. 269.

⁷ Учение Булгакова о творении рассматривает Robert Slesinski, «Bulgakov's Sophiological Conception of Creation», *Orientalia Christiana Periodica* 74/2 (2008), 443–454.

⁸ Сергей Булгаков, *Невеста Агнца* (Paris: YMCA-Press, 1945), с. 52.

Булгаков резко дистанцируется от пантеизма, защищая панэнтеизм: «все в Боге»⁹. В раннем софиологическом труде Булгаков, вслед за Соловьевым, определяет Софию как «ни то, ни то»: не вполне божественная, и не вполне тварная. В своей зрелой софиологии Булгаков придал этой формуле катафатический вид, определяя софию как «и то, и то»: божественная и тварная, присутствующая по обе стороны, выражающая связь между Богом и космосом в их различии – Платоновским языком, *metaxi*¹⁰.

Аргументы «против»

Однако, с богословской точки зрения, софиологическая мысль имеет множество слабых сторон. Я обозначу лишь некоторые из них.

В софиологической мысли *обожение* представляется своего рода *самообожением* снизу: оно как бы уже заложено в самом сотворении человека. Обоженное состояние человека предстает не конечной целью, а изначальной данностью, отправным пунктом, поскольку человек создан Богом. Обожение (*Theosis*) обретает полный смысл в боговоплощении (*theosarcosis*), посредством которого тварная София воссоединяется с Божественной Софией.

Творение в софиологии совечно Творцу. Итак, грань между тварным и нетварным превращается в некий зигзаг (расплывается). Люди предстают недобогам в становлении, а Бог рассматривается как изначальный сверхчеловек. Это неминуемо проблематизирует центральные положения сотериологии – Воплощение и Спасение, делая их второстепенными и относительными, подчиненными доминирующему положению об энтеозисе (воссоединении Тварной Софии с Божественной Софией).

⁹ С. Булгаков пишет: «Мир есть не-Бог, суций в Боге, Бог есть не-мир, суций в мире. Бог полагает мир вне Себя, но мир имеет свое бытие в Боге». См.: С. Булгаков, *Икона и иконопочитание*, с. 43.

¹⁰ С. Булгаков, *Икона и иконопочитание*, с. 51. Gallaher, *There is Freedom*, 46, 54.

Сам Булгаков признавал, что софиологии угрожает превращение в *софиологический детерминизм*¹¹ (все Домостроительство спасения обусловлено сущностью Бога как любви). Трудно понять, как в софиологии можно обосновать свободу творения и спасения человека Богом. Бог с необходимостью творит мир из любви, поскольку Бог-любовь не может не творить и не спасать.

Есть трудности и в софиологической антропологии: человек представляет квинтэссенцию творения, которое изначально божественно. Человек для софиологии – не столько уникальное творение, созданное Богом *ex nihilo*, сколько эманация божественного снисхождения.

Аргументы «за»

Вслед за Соловьевым, Булгаков вынужден был сражаться на два фронта:

С антихристианством тех, у кого имя Христово на устах, но кто распинает Его своими делами.

С теми, кто служит Ему своими делами, но отвергает Его умом¹².

Эти трудности частично проистекают из исторической неспособности христианства соединить божественное и человеческое. Христианское сознание разрывается надвое противоположными подходами:

➤ манихейство говорит о непреодолимой пропасти между Богом и миром;

➤ пантеизм принимает мир таким, как он есть, «обожая» его посредством «секуляризации»¹³.

В этом свете религиозное сознание предоставляет людям лишь две альтернативы: или Бог, или мир¹⁴. Выбор Бога, даже в истории

¹¹ С. Булгаков, *Агнец Божий*, с. 447. Gallaher, *There is Freedom*, 129.

¹² С. Булгаков, «Что дает современному сознанию философия Вл. Соловьева?», в: *От марксизма к идеализму. Сборник статей (1896–1903)*, СПб: Общественная Польза, 1903, с. 241.

¹³ См.: Сергей Булгаков, *Тихие думы* (М., 1918), с. 269.

христианства, часто означал отвержение мира¹⁵. Образ исторического христианства ассоциируется с разрывом между религиозной и публичной жизнью, который наблюдается в самом христианстве. Современное социально-ориентированное христианство, борющееся за приближение к практике, ощущает свое бессилие в этой борьбе. Однако это социальное измерение христианства, не имея никакого богословского обоснования, обречено сводиться всего лишь к аппендиксу: к миссионерской благотворительности или к морализаторству¹⁶.

Софиология в этой перспективе представляется богословским обоснованием оправдания мира в Боге¹⁷ по контрасту с тенденцией отделять мир от Бога. Софиологическое восприятие мира как Премудрости Божьей противостоит механистическому мировоззрению, не знающему благодатного естества, признающему лишь самодостаточный механизм¹⁸ и механизацию жизни и человека.

В европейской культуре симптомы кризиса исторического христианства происходят из секуляризации, обусловленной Просвещением и гуманизмом. Утверждение мира в гуманизме – это реакция на отвержение мира в христианстве¹⁹. Эта диалектика омрачает всю современную культуру. Софиология Булгакова акцентирует отношение Бога с творением как отправной пункт теологии.

Мы видели, – пишет Булгаков, – какую трудность представляло, – хотя и в разном смысле, но в равной мере, – координировать Божественное и тварное бытие, Бога и мир, для античной философии, патристики и схоластики. Трудность эта заключалась в том, что надо было одновременно соединить и разделить, отождествить и

¹⁴ Там же, с. 269.

¹⁵ Там же, с. 269.

¹⁶ Там же, с. 270.

¹⁷ Там же, с. 270.

¹⁸ Сергей Булгаков, «Природа в философии Вл. Соловьева» // С.Н. Булгаков: Сочинения в двух томах, изд. С.С. Хоружий и И.Б. Роднинская, т. 1 (М.: Наука, 1993), с. 18.

¹⁹ С. Булгаков, *Тихие думы*, с. 272.

противопоставить оба образа бытия: – божественно-абсолютное [БОГ] и тварно-относительное [МИР]²⁰.

Этот аспект софиологии Булгакова высоко оценивается католическими богословами Б. Шульце²¹, И. Спитерисом²², Дж. Лингва²³ и др.

Булгаков с его дискурсом о Божественной Мудрости, по мнению Роуэна Уильямса, создал возможность говорить о неслучайности отношения любви между Богом и тварью²⁴. София показывает, как во Христе Бог предстает связанным со Своим творением и отличным от него²⁵, и что любовь Божья выражается в творении и спасении нас во Христе.

С английского перевела Дарья Морозова

²⁰ С. Булгаков, *Невеста Агнца*, с. 40.

²¹ Шульце пишет: «giudica di enorme importanza per il pensiero moderno, costretto a confrontarsi coll'alternativa di un dualismo falsamente credente che allontana Dio dalle creature decadute, in nome della sua perfezione, o di una secolarizzazione falsamente umanistica che separa le creature, in nome della loro autosufficienza, dalle fonti vitali dell'esperienza spirituale». См.: P. Bernardi, N. Bosco, and G. Lingua, 'Storia e storiografia bulgakoviane', *Filosofia e Teologia* 6 (1992), 247. Христологию Булгакова Bernhard Schultze оценивает в: *Pensatori russi di fronte a Cristo: saggi sul loro atteggiamento verso Cristo, la Chiesa e il Papa*, vols. 2–3 (Firenze, 1949), 228.

²² См.: Y. Spiteris, 'Lo Spirito Santo nella tradizione teologia cristiana: la prospettiva dell'Oriente cristiano', *Spirito, eschaton e storia*, ed. Nicola Ciola (Roma, 1998), 100.

²³ См.: Lingua, *Kénosis di Dio*, 197.

²⁴ Williams, *Sergii Bulgakov*, 168–169.

²⁵ Rowan Williams, 'Creation, Creativity and Creatureliness: the Wisdom of Finite Existence'. Study Day organised by the St Theosevia Centre for Christian Spirituality, Oxford, UK, 23 April 2005. (<http://www.archbishopofcanterbury.org/997>).

СВИДЕТЕЛЬСТВО: традиции, формы, имена

ДУХ І ЛІТЕРА

СВИДЕТЕЛЬСТВО:

ТРАДИЦИИ, ФОРМЫ, ИМЕНА

Успенские чтения

По благословиению
Блаженнейшего Митрополита Киевского и всея Украины
ВЛАДИМИРА

Материалы XII ежегодной международной конференции «Успенские чтения» демонстрируют многогранность темы свидетельства – одного из ключевых понятий Священного Писания, христианской традиции и культуры. Эта тема глубоко личностна и вместе с тем находится внутри широкого социального и общецерковного контекста. Свидетели Христовы – мученики и исповедники – во время раннего христианства стали опорой Церкви. В XX веке Свидетельство по-новому и с небывалой силой проявилось в тоталитарных режимах. И в наши дни актуальность христианского свидетельства вновь вызывает к нашей совести и требует глубокого осмысления.

Своими размышлениями о свидетельстве делятся богословы, философы, культурологи из разных стран мира: Митрополит Киевский и всея Украины Владимир, Митрополит Минский и Слуцкий Филарет, митрополит Волоколамский Иларион, митрополит Бориспольский Антоний, ректор Свято-Тихоновского университета прот. Владимир Воробьев, настоятель монастыря Бозе в Италии Энцо Бьянки, настоятель общины Тэзе во Франции брат Алоиз, игумен Михаил Ван Парейс, архим. Амвросий Макара, архим. Пантелеимон Мануссакас, прот. Георгий Ореханов, священник. Фьоренцо Реати, священник. Владимир Зелинский, Адалберто Майнади, Жерар Коньо, Франсуаза Лесур, Ленка Карфикова и др.

Книга адресована всем, кто интересуется христианской культурой, духовным и богословским образованием, их взаимоотношением со светской культурой.

Составитель: Константин Сигов

Ответственный за выпуск

и подготовку текстов: Юрий Вестель

Литературное редактирование: Зоя Барабанщикова

Корректурa: Наталия Аникеенко

Компьютерное макетирование: Юрий Кореньяк

Дизайн обложки: Вадим Залевский

Издание поддержано RENOVABIS, CNEWA

C247

Свидетельство: традиции, формы, имена /

Сост. К.Б. Сигов. – К.: ДУХ І ЛІТЕРА, 2013. – 624 с.